

Екатерина Мордвинцева

Одна на двоих

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

Мордвинцева Е.

М79 Одна на двоих / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 200 с.

ISBN 978-5-524-00408-6

Они – аномалия. Нарушение всех правил их скрытого от людей мира оборотней. Их связь – проклятие, которое может разжечь войну между стаями. Им предлагают простой выход: выбрать одного, а второго изгнать навсегда. Но они знают, что любой выбор убьёт часть их самих. Остаётся только один путь – принять свою чудовищную природу и пройти запретный ритуал. Даже если цена – вечное изгнание и вечная зависимость друг от друга.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00408-6

© Литнет, 2026
© Мордвинцева Е., 2026

Глава 1

Мастерская пахла скипидаром, льняным маслом и пылью, прогретой за день южным солнцем. Вадим стоял спиной к окну, за которым медленно гасла полоса морского заката, растворяясь в индиго ночи. Он не зажигал свет – сумеречное освещение было его союзником, оно стирало границы, позволяло краскам на холсте жить своей собственной, призрачной жизнью.

На мольберте рождалась тоска. Большой холст, ещё сырой, дышал холодом и одиночеством. В центре, из хаоса мазков тёмной охры, умбры и сажи, проступала фигура волка. Не мифического зверя, а усталого, с приспущенным хвостом и взглядом, устремлённым куда-то за пределы картины – в сторону зрителя, но сквозь него. Вадим пытался поймать не образ, а чувство – то самое тяжёлое, свинцовое чувство неприкаянности, которое преследовало его с тех пор, как он впервые осознал в себе двойную природу. Человек всегда был немного посторонним. Волк – всегда в изгнании.

Телефон загудел на столе, заставив вздрогнуть. Вибрация разносилась по дереву, отзываясь в костяшках его пальцев, запачканных ультрамарином. Он не хотел отрываться. Ещё один мазок, ещё один – и, возможно, эта гнетущая пустота внутри наконец выльется наружу и оставит его в покое.

Но телефон не умолкал. Упрямая, настойчивая вибрация. Вадим смахнул кисть о тряпку, раздражённо вздохнул и протянул руку. Экран светился в полумраке, как одинокий маяк: «ВЛАД. БРАТ».

Тревога. Она пришла не с телефонным звонком. Она дремала в нём всё утро, с самого пробуждения – лёгкое, почти невесомое беспокойство где-то под рёбрами, едва уловимое щемление. Связь близнецов – не мистика, а факт их природы. Ощутимая, как пульс, но куда более изменчивая. В последние годы она превратилась в тихий, почти забытый фон: редкие смс, короткие звонки по праздни-

кам, скупые новости о делах стаи и родителей. Но фон этот никогда не был полностью нейтральным. Сейчас он гудел низко и тревожно, созвучно вибрации телефона.

Вадим принял вызов, прижал аппарат к уху.

– Влад. – Его голос прозвучал глухо, отрешённо.

– Вадим. – Голос брата был как всегда: ровный, выверенный, лишённый лишних интонаций. Голос человека, который привык, что его слушают и ему подчиняются. Но сегодня в нём была какая-то новая частота. Некая напряжённая собранность, как перед важным объявлением. – Ты один?

Можешь говорить?

– Я в мастерской. Говорить могу, рисовать – сейчас нет, – Вадим откинулся на спинку скрипучего стула, уставившись на свою неоконченную тоску в волчьем обличье. – Что стряслось? У стаи проблемы? С родителями всё в порядке?

– Со стаей всё в норме. Родители здоровы. Проблема... или нет, не проблема. – Влад сделал паузу. Вадим мысленно увидел его: он наверняка стоит у своего панорамного окна в кабинете, глядя на огни ночного города, собрав пальцы в характерную замкшую конструкцию. – Дело не в стае.

Дело личное. Мне нужно, чтобы ты приехал.

«Приехал». Не «приезжай», а «мне нужно, чтобы ты приехал». Команда, завёрнутая в бумагу просьбы. Старший брат. Будущий, если ещё не настоящий, альфа их городской стаи.

– Влад, у меня работа, – начал было Вадим, но брат его перебил.

– Работа подождёт. Это важно. Важнее любой твоей работы, – в голосе Влада прозвучала сталь. Но не злая. Уверенная. – Я... принял решение. Насчёт жизни.

Ледяная полоса пробежала по спине Вадима. Его волк, дремавший на окраине сознания, мгновенно пришёл в полную боевую готовность. Шерсть встала дыбом незримо, внутри. Он медленно выпрямился.

– Какое решение? Ты что, влип в какие-то дела? Юридические?

Последовала ещё одна пауза, более долгая. И когда Влад заговорил снова, в его голосе появилось что-то, чего Вадим не слышал с детства, с тех пор, пока они не осознали, кто они, и мир не стал сложнее. Чистая, неподдельная, почти смущённая... радость.

– Я женюсь, Вадим.

Слова повисли в тихом воздухе мастерской, смешавшись с запахами красок. Вадим не нашёл, что ответить. Он просто сидел, сжимая телефон в руке так, что корпус затрещал.

– Ты... нашёл её? – выдохнул он наконец. «Её». Истинную пару. Ту, чей запах будет роднее воздуха, чей голос будет успокаивать волка, чье присутствие заставит мир обрести, наконец, устойчивые очертания.

Священный Грааль их вида. Миф, который иногда оказывался правдой.

– Да, – ответил Влад, и это короткое слово прозвучало как обет. – Я нашёл её. Её зовут Ева.

Ева.

Имя ударило в висок, как глухой удар колокола. Обычное человеческое имя. Но внутри Вадима что-то ёкнуло, оборвалось и замерло в падении. Его собственный волк, секунду назад насторожившийся, вдруг издал тихий, непроизвольный вой – не громкий, лишь внутреннее эхо, от которого сжались все внутренности. Тревога, дремавшая под рёбрами, разом проснулась, превратилась в стаю острых, ледяных бабочек, бьющихся о клетку груди.

– Вадим? Ты меня слышишь?

Он услышал. Но мир вокруг потерял чёткость. Он видел краски на палитре, свой холст, пылинки в луче уличного фонаря, но всё это было плоским, ненастоящим.

– Слышу, – его собственный голос показался ему чужим. – Поздравляю, Влад. Серьёзно. Это... невероятно.

– Это – судьба, – поправил его брат, и в его тоне снова появилась эта новая, тёплая нота. – Я хочу, чтобы ты был рядом. Ты – мой брат.

Мой близнец. Без тебя... это будет неполно. Она должна знать всю мою семью. И ты должен её знать.

Должен. Опять это слово.

– Конечно, – автоматически ответил Вадим. Мозг лихорадочно работал, пытаясь анализировать бурю внутри. Почему такая реакция? Ревность? Да, возможно. Горькая, чёрная зависть к удаче брата, к его найденному покою, который сам он, Вадим, считал для себя недостижимым. Но это было больше. Это был первобытный, животный страх. Предчувствие.

– Я вышлю тебе билеты, – продолжал Влад, уже деловым тоном. – На пятницу. Побудь несколько дней. Познакомитесь. Она... она особенная, Вадим. Не такая, как все.

Не такая, как все. От этих слов мурашки побежали по рукам.

– В каком смысле? – спросил Вадим, пытаясь взять себя в руки.

– В самом лучшем, – уклончиво ответил Влад. – Увидишь сам. До пятницы. Жду.

Связь прервалась. Вадим медленно опустил телефон на стол. Гул в ушах не стихал. Он подошёл к холсту, к изображению волка с потерянным взглядом. Жёлтые глаза зверя, написанные им самим, смотрели на него теперь с немим укором и... знанием.

Он обернулся к окну, к огромному, холодному небу, усыпанному чужими звёздами. Где-то там, на севере, в городе из гранита и строгих правил, его брат, его вторая половина с самого начала, стоял, вероятно, всё у того же окна и смотрел на тот же самый месяц. И думал о ней. О Еве.

Имя отзывалось в нём странным эхом, будто падающим в глубокий, забытый колодец памяти. От него сжималось сердце и бешено колотилось, смешивая радость за брата с чем-то тёмным, тяжёлым и бесконечно грустным.

Его волк внутри больше не выл. Он сидел, насторожив уши, и тихо, очень тихо рычал в пустоту, учуяв на ветру перемен что-то такое, что не сулило ничего хорошего. Только старую боль и новый, ещё неведомый разлом.

Глава 2

Поезд «Ласточка» нёсся в ночи, разрезая своим стальным клином густую тьму между городами. За окном мелькали, сливаясь в чёрно-серые полосы, спящие поля, островки леса, редкие огоньки одиноких хуторов. Вадим сидел у окна, уставившись в своё отражение, наложенное на этот невидный пейзаж. В салоне было душно, пахло пластиком, подогретой едой и усталостью. Он почти физически ощущал, как расстояние между ним и его мастерской, его привычным хаосом, растёт с каждой минутой, а тонкая нить связи с Владом, наоборот, натягивалась, вибрировала всё сильнее, передавая беспорядочные импульсы: ожидание, решимость, странную, приглушённую тревогу. Брат волновался. И это заставляло волноваться его.

Он купил билет в купе, чтобы быть одному. Теперь благодарил себя за это решение. Его волк, всегда более чувствительный в замкнутых пространствах, наполненных чужими запахами, был на грани. Шерсть внутри будто стояла дыбом, когти царапали изнутри, требуя выйти, побежать вдоль полотна, ощутить ветер и свободу вместо этой металлической коробки.

И всё из-за имени. Ева.

Он закрыл глаза, откинув голову на жесткий подголовник. Шум колёс превратился в монотонный гул, похожий на шум моря в раковине. И память, которую он десятилетиями запечатывал в самом дальнем и тёмном чулане души, нашла щель и хлынула наружу.

Девять лет назад. Конец лета

Ему был двадцать один. Он был другим – неистовым, голодным до всего: жизни, красок, ощущений. Его волк был молод и дерзок, рвался на свободу в каждой городской ночи. Он не искал пару. Он

убегал от самой мысли о ней, потому что это означало осесть, принять правила стаи, стать таким, как Влад. Он искал лишь вдохновение и острые ощущения.

И нашёл её на заброшенной железнодорожной станции на окраине города. Он приходил туда рисовать – ржавые рельсы, разбитые стекла депо, упрямую зелень, пробивающуюся сквозь асфальт. Она просто стояла там, прислонившись к ржавой водонапорной башне, в простом платье в горошек, с книгой в руках. Ей было, как он узнал позже, шестнадцать. Но в её глазах не было детской наивности. Была глубина, в которой тонул свет. И печаль. Такая тихая, вселенская печаль, что его собственный, обычно буйный волк замер, притих, уткнув нос в лапы.

Он подошёл. Не из-за дерзости. Из-за необъяснимого магнита.

– Это место не для чтения, – сказал он. – Здесь слишком много призраков.

Она подняла на него глаза. Карие. Тёмные, как спелый каштан, с золотыми искорками.

– Они не беспокоят, – ответила она тихо. – Они молчат. Молчу и я. Её звали Ева. Коротко. Библейски. Роково.

Она была странной. Не от мира сего. Говорила мало, но каждое её слово было весомым, как отшлифованный речной камень. Она не боялась его, не кокетничала. Смотрела прямо. И когда их взгляды встречались, Вадим чувствовал, как мир вокруг теряет резкость, а внутри, в самой сердцевине его существа, что-то щёлкает, вставая на место, которого он никогда не знал.

Они встречались тайком. Она избегала людных мест. Говорила, что родители строгие, религиозные, не отпускают. Он верил. Он был готов верить во что угодно, потому что с ней его внутренний шторм утихал. С ней его волк не рыскал в поисках приключений, а просто... лежал рядом.

Свернувшись калачиком. Довольный. И это было страшнее любой ярости – эта немыслимая, невозможная гармония.

Он помнил её запах. Не духи. Её собственный запах. Дикий мёд, нагретая солнцем хвоя и что-то ещё... неземное. Свежесть после первой грозы. Он, оборотень с нюхом, способным разложить городскую вонь на тысячу составляющих, мог часами просто вдыхать его, чувствуя, как тревога покидает каждую клетку его тела.

Он помнил её прикосновения. Лёгкие, как дуновение, но оставляющие на коже жгучие следы. Он помнил, как однажды, в порыве, едва сдерживая волка, он спросил, не боится ли она его. Она тогда улыбнулась своей грустной улыбкой, провела пальцами по его щеке, где обычно после трансформации дня три держалась легкая щетина, и сказала: «Ты самый настоящий человек из всех, кого я знаю. И самый одинокий зверь».

Он заговорил с ней о своей природе. Не напрямую, конечно. Аллегориями, образами в своих картинах. Она слушала и кивала, будто понимала больше, чем он говорил. Как-то раз, глядя на его эскиз волка, она прошептала: «Он ищет свою стаю. Но он такой один, что даже луна для него чужая».

А потом был тот вечер. Последний. Они сидели на крыше того самого депо, смотрели, как заходит солнце. Она была тише обычного. Почти не говорила.

— Мы с родителями уезжаем, — вдруг сказала она, не глядя на него. — Завтра. Очень рано. Надолго. Может быть, навсегда.

— Что? Куда? Почему? — Он схватил её за руку, и его волк внутри заскулил от внезапной боли.

— Не спрашивай. Нельзя. — В её глазах стояли слёзы, но они не падали. — Запомни меня такой. Запомни этот закат. И... прости.

Он не помнил, что говорил. Кричал? Умолял? Он помнил только её последний поцелуй. Солёный от слёз, горький от безысходности, сладкий от чего-то такого, что походило на прощание не с ним, а с частью себя самой. Он помнил, как она уходила по шпалам, растворяясь в сумерках, не оглядываясь. А он стоял, вцепившись пальцами в ржавые перила, и чувствовал, как внутри него рвётся

что-то жизненно важное. Его волк завыл – тихо, жалобно, навзрыд – и с той поры так и не умолк до конца.

На следующий день он примчался к станции. К дому, на который она однажды смущённо указала. Всё было пусто. Соседи пожали плечами: «Уехали ночью. В спешке. Никому ничего не сказали».

Она исчезла. Без следа. Как мираж. Как сон.

Вадим вздрогнул, когда поезд резко затормозил на каком-то полустанке. За окном проплыли жёлтые огни маленькой платформы. Он провёл ладонью по лицу – она была мокрой. Чёрт. Он не плакал с того самого вечера.

Он так и не нашёл свою пару. После Евы все остальные казались блёклыми копиями, грубыми подделками. Его волк отворачивался от самых настойчивых и привлекательных соплеменниц. Ни один запах не мог перебить в памяти тот – мёд, хвоя, гроза. Ни один взгляд не имел той глубины. Он смирился с одиночеством, облек его в философию свободного художника, в позу неприкаянного романтика. Но в тишине ночей, особенно в полнолуние, рана кровоточила. Он был половинкой, которая так и не нашла свою целую. Или нашла – и потеряла навсегда.

А теперь Влад. Практичный, основательный Влад, который не верил в «мистику судьбы», а верил в логику и расчёт, нашёл свою. Назвал её Евой.

Совпадение. Глупое, жестокое, случайное совпадение, – твердил он себе, глядя на мелькающие во тьме огни. Тысячи Ев. Просто имя.

Но его волк не верил. Его волк, зализывавший старую рану все эти годы, теперь глухо рычал, учуяв впереди не просто чужую территорию брата, а нечто, что пахло Большой Болью и Большой Ложью. Поезд нёс его не просто на север. Он нёс его навстречу призраку. И Вадим с ужасом понимал, что часть его – та самая, израненная,